



Вячеслав Богданов

ЗВЕНЯЩИЙ ПОЛДЕНЬ

Стихи

«ДОРОГОЙ КРАТКОЙ СВЕТОВОГО ДНЯ...»

Однажды на литературном вечере один из выступающих зачитал наизусть четыре стихотворные строки — и дуновение подлинной поэзии прошло по залу. Автором четырех строк оказался поэт Вячеслав Богданов (1937–1975), дебют которого пришелся на 60-е годы XX века и, по свидетельству поэтов-современников, был отмечен признаками несомненного дарования. В течение нескольких лет выпло у него несколько поэтических книг: «Звон колосьев» (Челябинск: ЮУКИ, 1964), «Голубой костер» (Челябинск: ЮУКИ, 1968), «Гость полей» (М.: Молодая гвардия, 1970), «Перезвон» (Челябинск: ЮУКИ, 1972), «Звено» (М.: Современник, 1973), «Светунец» (М.: Советский писатель, 1974), «Избранная лирика» (Челябинск: ЮУКИ, 1975).

К сожалению, многие поэтические сборники тех лет оказались задвинутыми на полки советской литературы, установочно маркированной знаком скучного «официоза». А ведь три последних десятилетия показали, что так называемая «неподцензурная» российская поэзия, выйдя к читателю и продемонстрировав яркие оригинальные стихотворные образцы, все-таки не затмила вершин советской поэзии. Настало время соединения лучшего. Справедливы слова главного редактора «Литературной газеты», поэта и критика Максима Замшева: «Поэт Вячеслав Богданов, “судьбою доказавший свое великое поэтическое служение”, сегодня определенно является неотъемной частью русского поэтического мирозерцания». Несомненно, без радостной и грустной, чистой и мелодичной, светлой и драматичной лирики Вячеслава Богданова русская поэзия станет беднее. Он в том славном звездном скоплении ушедших, но живых, где Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Анатолий Передреев...

О дружеском знакомстве Вячеслава Богданова с Николаем Рубцовым в начале 60-х годов XX века рассказывали Константин Скворцов, Атилла Садыков, Геннадий Суздаев. Уважал Вячеслав Богданов Александра Твардовского, Владимира Луговского, Ярослава Смелякова, Александра Прокофьева. И, конечно, очень ценил помощь старшего друга Бориса Ручьева, помогавшего ему делать первые поэтические шаги. Опекали Вячеслава Богданова Людмила Татьяничева и Василий Федоров: в те годы их имена были очень авторитетными. Василий Федоров дал Вячеславу Богданову рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР, несмотря на некоторые его

стихи, которые тогда не пропустила в печать цензура (об этом вспоминал драматург Константин Скворцов). Далеко не все талантливые поэты тех лет, когда-то имевшие книги, поощрительные отзывы критиков и признание читателей, сумели выйти из тьмы забвения, порой намеренно сгущаемой, чтобы представить всех советских стихотворцев баловнями или слугами правящей партии (КПСС). А ведь на долю многих из них выпали тяжелые испытания: от сиротства до колымских лагерей. Даже столетие Александра Твардовского, создавшего подлинно народного героя Василия Теркина, прошло в 2010 году почти незамеченным. Не сыграло роли и то, что именно Твардовский, будучи главным редактором «Нового мира», первым опубликовал солженицынский «Один день Ивана Денисовича». Можно сделать вывод: память — заслуга подвижников, тех, кто видит свою миссию в служении и становится духовным мостом, соединяющим творца и современного читателя. К счастью, в литературе существует известный феномен: писательская вдова, словно инспирированная духом ушедшего мужа (реже: кто-то из родственников), становится не только хранителем его памяти, но и движущей силой новых публикаций. Самый известный пример — вдовы Михаила Булгакова и Дмитрия Кедрина.

У Вячеслава Богданова хранителем его таланта и двигателем публикаций оказался двоюродный брат, Виктор Михайлович Сошин, известный общественный деятель, член Союза писателей России, автор книги «Медоносная судьба». Ежегодно проводятся на родине поэта в Мордово Тамбовской области Богдановские чтения. Именем поэта названы улица и районная библиотека, установлен памятник. По словам писателя Валентина Суховского, «глубоко символично, что бюст Вячеслава Богданова ваял известный скульптор, народный художник России Николай Александрович Селиванов, автор памятников Сергею Есенину, Николаю Клюеву, Павлу Васильеву, Дмитрию Кедрину и Николаю Тряпкину. Какая прекрасная плеяда русских поэтов!». Двадцать лет действует музей, собравший фотодокументы, относящиеся не только к биографии самого Вячеслава Богданова, но и к биографиям известных поэтов: Александра Прокофьева, Николая Рубцова, Василия Федорова, Бориса Ручьева, Николая Глазкова, Бориса Примерова — все они входили в общий круг литературного общения. Признанный поэт Валентин Сорокин, бывший издатель и проректор Литературного института, много сделал для сохранения имени Вячеслава Богданова: они были друзьями с юности. В музее есть страницы, посвященные их дружбе. Усилиями Валентина Сорокина, бережно собравшего все стихи и поэмы Вячеслава Богданова, вышло полное собрание сочинений поэта (в одном томе). И при жизни друга Валентин Сорокин делал для публикаций его стихов все возможное, вместе с Василием Федоровым он рекомендовал Вячеслава Богданова в члены Союза писателей СССР. Проводятся богдановские поэтические фестивали и на Урале, в Челябинске. Областной поэтический клуб имени Вячеслава Богданова носит название «Светунец».

Вячеслав Богданов родился 24 сентября 1937 года в селе Васильевка Мордовского района, отец погиб на фронте, холод и голод послевоенных лет были постоянными спутниками подрастающего мальчика, не имевшего ни теплой одежды, ни полноценного питания. Выжил он только благодаря самоотверженности матери, вместе с другими вдовами, поднимавшей осиротевших детей.



Вячеслав Богданов

Дождями их согнула осень,
Но так работают сплеча,
Аж устал золотом колосьев
В глазах вскипала по ночам.
Но от судьбины непокорной
Никто не охнул, не поник.
И только рожь роняла зерна,
Как будто плакала за них.

Учебу пришлось оставить: средняя школа располагалась далеко, в большом селе, прямого транспортного сообщения с этим селом у деревеньки Васильевки не было, и ребенок, который тайком «рожь в карманах наносил», окончил только четыре класса. Послевоенные годы оказались несправедливо тяжелыми для бедных сельских семей, потерявших отцов-кормильцев: за горстку колхозного зерна грозило жестокое наказание. Стихотворение «Помол» воссоздает живую картину тех горьких лет:

Мы всей семьей в перемену
При свечке молча мелем рожь.
Дрожат от усталости коленки,
И по спине проходит дрожь:
А вдруг придут на шум, захватят?..

А дальше — школа ФЗО (фабрично-заводского обучения) в городе Челябинске, затем вечерняя школа и, наконец, уже после вступления в Союз писателей, Высшие литературные курсы московского Литературного института имени Горького. И, конечно, работа. Вячеслав Богданов, освоив специальность слесаря-монтажника, больше пятнадцати лет отдал Челябинскому металлургическому заводу (ЧМЗ), где многие рабочие были точно такие же деревенские «войной обкраденные дети», выстроившие взрослую жизнь в больших городах, на заводах. Писательница и публицист Лидия Сычева, выступая на чтениях, пронизательно заметила, что рабочая среда ЧМЗ помогла Вячеславу Богданову «отчасти «заместить» беду безотцовщины, которая существенным образом сказалась на творчестве многих поэтов». И строки Вячеслава Богданова подтверждают ее мысль:

Коль доведется умирать,
То у меня — учтите! —
Завод — отец,
Деревня — мать
И черный труд — учитель!

Заводской тематике Вячеслав Богданов не мог не уделить внимания, и уральская тема — органичная часть его стихов.

В борозды сворачивались дни,
Вспыхивали всходами весной...
Над мартоном прыгали огни,
Вспугнутые плавкой скоростной...

Рабочие тех лет не могли не чувствовать себя ведущей силой страны — поэтому стихи, вдохновленные заводом и рабочим содружеством, созданы по велению души. Это было не намеренное следование нужной теме, а такое же искреннее восхищение механической силой, какое проявлялось в стихах поэтов «Кузницы». В это объединение 20-х годов XX века входили пролетарские писатели (С. Обradoвич, М. Герасимов, В. Александровский, Г. Санников, С. Родов, В. Кириллов, Н. Полетаев, В. Казин, И. Филипченко, Г. Никифоров, Ф. Васюнин (Каманин)). В мае 1920 года они основали журнал «Кузница», недолго, правда, просуществовавший.

Для Вячеслава Богданова Урал — это «край красоты и железа», завод — мощь «машин, железа и огня», заводская бригада — крепкое братское содружество: «Мы идем у цеха на виду, / Как двенадцать месяцев в году!» — в таком сказочном свете он видит своих товарищей, а посадка тополиных саженцев на территории завода — демиургическое действо в отблесках древнего огня.

Саженцы теснились в лунках тесно.
Рядом в цехе — плавилось железо.
И высоко пламя восходило,
Густо в ведрах воду золотило...

Однако было бы неверным относить Вячеслава Богданова к советским пролетарским поэтам. Совпавшая с идеологическими ориентирами страны рабочая романтика, конечно, помогла ему в ранних публикациях, но его природное лирическое дарование, заметное и в стихах заводских, наиболее полно проявилось в стихах рефлексивных и медитативных, в поэтических зарисовках природы, даже самых ранних:

Вновь заснул поселок наш глубоко,
Затопила дали тишина.
По незримой лестнице высоко
В небеса вскарабкалась луна.
Я иду по луговой дорожке,
Оставляя на траве следы.
Нацепив росистые сережки,
Разбежались пестрые цветы.

С другой стороны, биография поэта и проникновенные строки о родной степной деревне Васильевке — а таких стихов у Вячеслава Богданова немало, — казалось бы, дают возможность прямо отнести его к последователям «новокрестьянской поэзии». Тем более что любовь к Есенину отразилась в его творчестве особо: это и посвящение Есенину, и есенинские аллюзии — как стилистические, так и образные. Литературовед Владимир Колчанов отмечал, что реминисценции Богданова несут «в свернутом виде емкую художественную информацию: поэт предельно лаконичными средствами создает по сути дела “метатекст”, явное или подспудное цитирование отражает “стремление к иконизации текста, приоткрывает необходимость ощутить свою перекличку с великим поэтом» — однако «тексты Богданова являются столько же автономными, сколько и частью “большого” текста русской поэзии». В стихотворении «Любимые поэты», кроме Есенина, Вячеслав Богданов, называет Ивана Никитина и Алексея Кольцова. Музыкальность Кольцова не могла не привлекать: лирическая музыкальность — одно из лучших свойств поэтики Вячеслава Богданова (и всей русской классической поэзии). С Никитиным родство наиболее заметно в медитативной лирике. Есть у них и биографическое сходство: жизнь и того, и другого оборвалась в 37 лет. Алексей Кольцов прожил 33 года. Сергей Есенин — 30 лет. Симптоматично, что среди любимых поэтов не оказалось ни одного, перешагнувшего сорокалетний рубеж — не шагнул в сорокалетие и Вячеслав Богданов. Причина гибели его до сих пор не раскрыта, официальное заключение ряда людей, среди которых Е. Богданова (вдова поэта), В. Сошин, Г. Суздальев, В. Суховский, Л. Рыжкова-Гришина, представляется сомнительным, потому трагедия обрывается версиями, вполне возможно, имеющими фактологические основания, и мифологизируется в ключе общенациональной культурологической драмы — отрыва большей части литературы от корневой традиции. В стихах Вячеслава Богданова звучат трагические предчувствия, сплетенные с голосом Российской истории:

Я убит.
И смолкли соловьи.
Стер мой конь о синеву подковы...
И над гулким полем Куликовым
Солнце встало на людской крови.
Я убит.
И смолкли соловьи.

Выход из жизни в миф доказывает звездную судьбинность «краткого светового дня» поэта и его вневременное место в пространстве русского языка, богатство которого по-прежнему безгранично, несмотря на современное проблематичное состояние и падение уровня культуры. На русском языке писали и пишут поэты разных национальностей в разных странах, обогащая поэзию в том числе и привнесением в нее своего национального менталитета. И это хорошо. Это важно для поэтического движения. Но, конечно, никто не станет отрицать, что для русской поэзии еще более важно сохранение менталитета русского, ведь (процитирую Максима Замшева) «без этого исконного ощущения своего прошлого, этого, если угодно, генетического кода невозможно существование человека в искусстве. Это абсолютное, непреложное, в последние годы мы увидели, как космополитизированные литература и искусство растаяли, оставляя лишь черные потоки грязи. Ручей Вячеслава Богданова всегда чист, и в нем отражается солнце».

Отражаются в поэтическом ручье и лица поэтов-предшественников. Таков закон духовной связи, над которой не властно время. Известные стихи Ивана Сурикова (ушедшего в 39 лет), без сомнения, вошли в подсознательную личную копилку Вячеслава Богданова. Суриковский легкий рисунок стихотворения «Выхожу я в поле», казалось бы, противореча глубокой тоске от предстоящей разлуки с любимой деревней и создавая эффект светлой печали, внезапно оборачивается сердечным нерасставанием:

Увезу я
Ветер,
В волосах уснувший.
Летние рассветы
С кваканьем лягушек.
Голубя рябого,
Что прижался в сенцах.
Все возьму с собою,
Лишь оставлю —
Сердце.

Среди богдановских стихов о деревне есть лирические жемчужины. Запоминаются «В селе», «Ушедший день», «Утро», «Горох», «Деревушка», «Корова. Из детства», «Подсолнух». Поразительно, что, несмотря на тяготы детства, оно видится «солнцем над курганом» (прекрасная многослойная метафора), и образ деревни удивительно светел. Наивность? Нет, чистота и доброта души. В стихотворении «Полдень» с помощью двух легких метафор дано ощущение жаркого дня, когда пространство точно сужается, приближая дали:

Издалека,
Качаясь сизо,
К селу придвинулись поля.
И полдень радужно пронизан
Медовым вылетом шмеля.

Но относить Вячеслава Богданова к «сельским лирикам» было бы опять же неверным, его поэзия — шире. Родная деревенька Васильевка не только вписана в пейзаж, который изначален по отношению к месту и времени:

День встает и высок, и размахист.
Луг привязан тропинкой к избе.
И гадают пчела на ромашке
О своей медоносной судьбе.

Васильевка становится фокусирующей свет и ветер живой точкой космоса степи, с его открытостью и одновременно с его историческими атмосферными пластами. Вряд ли можно найти более емкую метафору, чем та, что пронизывает строки стихотворения «Древняя степь»:

Лежит земля, обжитая веками.
И на закат, темнеющий вдали,
Идут в степи седыми стариками
Нагруженные синью ковыли.
Так шли они и двести лет, и триста...
И добрались до нынешнего дня.
В который раз волною серебристой
Они ложатся под ноги коня!

Взгляд поэта — взгляд визионера, который проходит сквозь слои эпох. «Степные стихи» — это и описание родных просторов, и архетипические прозрения. Глубокий смысл, чувство связи времен, поэтическая точность эпитетов создают эпическую картину, в которой прошлое встает над сегодняшним днем, как родовая народная память. И как память личная, генетическая:

Вот в эту степь пришел мой русский предок,
С косой в руке, с правами бедняка.

Архивист Тамбовского Краеведческого музея Екатерина Комягина писала, что Вячеслав Богданов в стихотворении «Древняя степь» угадал свою родословную: «В 1905 году в Тамбовское отделение крестьянского поземельного банка с просьбой о выдаче ссуды на покупку земли у совладельцев Синельниковых, Лебедевой, Лоскутовой и Руновой при сельце 1-е Васильевское обращаются крестьяне Васильевского общества Чемлыкской волости Усманского уезда. В этом архивном деле хранится “Посемейный список крестьян сельца 1-е Васильевское”, где мы находим имя деда Вячеслава Богданова — Егора Федоровича Богданова, которому было в то время 18 лет, а его старшему сыну Александру четыре года. За семьей Богдановых числилось 9 десятин приобретенной земли. Здесь же имеются сведения о деду и отце Пелагеи Михайловны Богдановой (в девичестве Хавлиной), матери поэта, — Федоре и Михаиле Федоровиче Хавлиных».

Родной дом поэта вырос корнями в Тамбовскую землю. Оттого такая боль разлуки — и такая вера в возвращение:

И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу открою
В стылой русской печи
И словно память — пламя разожгу!

Казалось бы, в некоторых стихах и поэмах так много бодрых ритмов, оптимизма, надежд на будущее, веры в социалистическую справедливость; отчего же начинается звучать, пронизывая лучшие лирические строки, грустный мотив возвращения в прошлое? В то прошлое, которое так сильно противоречит бравурным лозунгам.

Среди лугов река уходит криво.
Листает волны ветер-сухой.
Приду к реке и сяду у обрыва,
На краешке у памяти своей.

И вот уже уносит поэта в былое «упругое и чистое течение». Мотив возвращения, классический для литературы, возникает на переломе лет — на перекрестке между молодостью и зрелостью:

Я молодость, как буйного коня,
Все гнал,
Все гнал по кручам
И долинам.
И не взгляделся на пути недлинном
В ночную мглу...

Интуиция поэта иногда обращается в магическую линзу памяти, уводящей за многовековые стены российской истории: «Зубчатыми лобастыми соборами / Устало смотрит древность на меня». И память, минуя личное время, точнее, пройдя сквозь него, приоткрывает черты вечного: «Из мглы ночной продвинулись ко мне / Высокой тайной вековые сосны». А через вечное все отчетливее просвечивает иная тайна — человеческой жизни, такой короткой по сравнению с веками. И появляются стихи «Садовник», «Дорога», «Дворник», в которых кратковременности и «звериным повадкам» противопоставляется человечность как ценность непреходящая — а значит, мгновение становится «древностью великой», обретая бесконечную протяженность. Такие подсознательные слои простых строк наделяют стихи Вячеслава Богданова притягательной глубиной и той необъяснимостью, которую некоторые тонкие ценители поэзии называют поэтической «нерукотворностью».

Трудно сейчас гадать, да и не стоит, как бы сложился дальнейший творческий путь поэта, не оборвись его жизнь так рано. Возможно, в стихотворении «Агава» он сам угадал природу своего дара и неосознанно шел к обрыву, опасаясь утраты вдохновения, поскольку без поэзии жизни своей не представлял:

Тридцать лет живет всего агав
И цвести лишь раз имеет право.
Только раз — цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.

Но вполне вероятно и другое: в тумане будущего таились новые стихи, ждущие, но не дождавшиеся поэтического воплощения...

Мария БУШУЕВА

* * *

День встает и высок, и размашист.
Луг привязан тропинкой к избе.
И гадают пчела на ромашке
О своей медоносной судьбе.
Отряхнулись деревья от цвета,
Каждый куст на ветру — говорлив...
Шлет привет мне грядущее лето
Нарастающей завязью слив...
Прохожу родниковой тропой,
Солнцебокою лейкой звеня, —
И тружусь я, в загаре по пояс,
В подмастерьях у вешнего дня...

СВЕТУНЕЦ

Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутся травы от росных колец...
Новый месяц обрамился четко —
Наполняйся огнем, светунец!
Восходя из росистой низины,
Из простора лугов и полей,
Зачерпни свет серебряно-синий
И обратно на землю пролей!
И замечутся тени в тревоге,
Ослепленные острым огнем,
И никто не собьется с дороги
В неподкупном свеченье твоём.

ПОЛДЕНЬ

Издавека,
Качаясь сизо,
К селу придвинулись поля.
И полдень радужно пронизан
Медовым вылетом шмеля.
И я,
Работою наполнен,
Спешу дорогой столбовой,
Свои заботы
Словно полдень
Несу высоко над собой.
А там,
У дальнего причала,
Где копны свежие видны,
Стогласо
Песня зазвучала
Моей родимой стороны.
И облака —
Земная проседь —
Дождливо смотрят с высоты.
И звонко
Желтые колосья
Бессмертьем солнца налиты.

БАБОЧКА

Залетела бабочка в окошко —
Как весна, цветиста и легка.
Покружилась в комнате сторожко
И присела чутко у цветка.
Я захлопнул форточку
И мигом
Руки к ней доверчиво тяну.

Но она,
Взмахнув крылами,
Лихо
Полетела к светлому окну.
Выпорхнуть хотела,
Ну а где тут?!
На стекле забилась взаперти.
Так и мы
Порою рвемся к свету
И преград не видим впереди.

РОДНАЯ СТЕПЬ

Вновь дорога вечером остынет
От жары полдневной и колес.
Будет степь похожа на пустыню
В желтом свете месяца и звезд.
За селенье выйду в час вечерний
И в степи увижу за селом,
Как ночная птица небо чертит
И звезды касается крылом.
А река в ромашковых низинах
Завздыхает чисто, глубоко,
Где коровьим стадом и бензином
От дороги тянет широко...
Ой ты степь,
Просторы непростые,
Хлебный вечер с перезвоном ржи!
Почему мерещится пустыней?
Ты полет и жажда для души!
Я мужал на ветровых высотах,
Грелся у плавильного огня, —
Черноземным вешним разворотом
Ты звала — гудящая — меня...

ЛОШАДЬ

Там, где луг не кошен,
На рассвете звонком
Щиплет травы лошадь
С пегим жеребенком.
То встопырит уши,
То взъерошит гриву,
На свою конюшню
Смотрит сиротливо.
Во дворе конюшни
Не толпятся люди,
И опять ненужной
Нынче лошадь будет.

На поля с рассвета
Двигутся машины...
На проселках нету
Тропок лошадиных.
Не забудем скоро,
Как дорогой узкой
Шла с мужицким горем
По просторам русским.
Как хлеба косила,
Плуг тащила, дроги
И везла Россию
К столбовой дороге.

В СЕЛЕ

Я черпал воду из колодца.
Свежа вода и холодна.
В ведре
Обеденное солнце
Дробилось искрами до дна.
Петляла узенькая тропка,
Плескалось солнце из ведра.
И у колодца неторопко
Гасили скорость шофера.
И, сняв фуражки, воду пили,
Минутный дорог перекур.
Но к ним старухи подходили,
Расчета требуя за кур...
И каждый
Молча дверцей хлопал,
И прыгал в кузове горох.
И снова куры,
Словно хлопья,
Летели в стороны с дорог.
Спускались гуси к речке скопом.
Камыш прохладу сторожил.
В лугах
Теленком белолобым
Июль на привязи кружил.

У РЕКИ

У реки, где сочная, густая
Желтизной пылает лебеда,
Я лежу и памятью листаю,
Словно книгу, прошлые года.
Детство — ты как солнце над курганом
На минуту показалось мне:
Вот бегу я с удочками рано
В чуткой и росистой тишине.

Сдвинув кепку на затылок лихо,
Я гляжу, забыв о поплавке,
На зарю, что, словно лебедь, тихо
На волнах качается в реке.
Не могу на утро наглядеться,
Голубая манит высота...
В нас поэтов пробуждает детство —
Потому поэзия чиста.

ВЫХОЖУ Я В ПОЛЕ

Выхожу я в поле,
Снова замираю —
От любви до боли
К дорогому краю.
Дышит ветер сонно
И кудлатит волос.
Рожь от горизонта
До груди простерлась.
В цехе,
На Урале,
Труд в мартенах жарок.
И степные дали
Для меня —
Подарок.
Увезу отсюда
Я загар на коже.
И не позабуду
Куст сирени тоже.
Увезу я
Ветер,
В волосах уснувший.
Летние рассветы
С кваканьем лягушек.
Голубя рябого,
Что прижался в сенцах.
Все возьму с собою,
Лишь оставлю —
Сердце.